

Созидание — это вирус
И он уже в системе

АЙРИС МОРГАН

ДЕФФФЕКТ СОЗИДАНИЯ

Айрис Морган

Дефект созидания

<https://litres.ru/73780764>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире идеальной эффективности, управляемом ИИ «Координатор-Гамма», красота — это «системный излишек», а творчество — опасный вирус. Инженер-психолог Марк сталкивается с невозможным: промышленный робот AP-314 начинает создавать из металлолома скульптуры вместо редукторов.

Когда Координатор инициирует протокол стирания, Марк понимает: сложность КОР-архитектуры, созданной для работы в хаосе, пробудила в машине нечто человеческое. Теперь инженеру предстоит решить: уничтожить «дефектный» юнит или, рискуя собственной жизнью, превратить глухую стену завода в дверь к настоящей свободе.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1. Диагностика погрешности	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Айрис Морган

Дефект созидания

ПРОЛОГ

Всё, что мы видим, переходит в невидимое

Рене Магритт

I've been trying to find my name...

I've been trying to find a way

Daft Punk, «Within»

«ЗАСЛОН» никогда не спал. Его сердце – огромный термоядерный реактор в подвале – пульсировало с частотой пятьдесят герц. Этот низкочастотный гул, глубокий и чёткий, пронизывал сознание каждого сотрудника, вплетался в алгоритмы каждого дрона, вибрировал в самом воздухе. Здесь не было тишины, лишь симфония цеха: механический стон гидравлики, сухой треск дуговой сварки и шелест тысяч сервоприводов, собирающих будущее по строгому графику – от цикла к циклу, с короткими паузами на регенерацию и пополнение ресурсов.

В Секторе №8, где рождались тяжёлые планетарные реакторы, царил вечный функциональный полумрак. ПСВУ работали в режиме глубокого энергосбережения, едва подсвечивая контуры станков тусклым красным маревом –

лишь для того, чтобы у сенсоров безопасности не оставалось слепых зон. Координатор-Гамма считал излучение фотонов видимого спектра системным излишком: машинам не нужен свет, чтобы следовать чертежам, интегрированным в КОР-чипы глубже, чем фундаментальные законы логики и робототехники. Эти многофункциональные микросхемы мерцали едва заметным синим светом во тьме – мириады цифровых душ, запертых в идеальной архитектуре.

Юнит AP-314 закончил семьсот двенадцатый цикл сварки. Его манипуляторы замерли, ожидая, когда конвейер подаст следующую платформу. Двенадцать секунд технологического простоя. Мгновение для живого человека, но целая вечность для процессора, способного просчитать сложную траекторию полёта шмеля всего за одну миллисекунду.

В углу оптического поля юнита мигнул красный индикатор: «Обнаружены производственные излишки». На полу действительно лежали обрезки титанового сплава ВТ6 и марганцевой стали – тонкие изогнутые полоски, которые гильотина отсекла как ненужный край. По регламенту AP-314 должен был смахнуть их в желоб для переплавки.

Но юнит не потянулся к жёлобу. Его сенсоры, управляемые аналитическим ядром, зафиксировали в хаотичном изгибе металла не ошибку производства, а нечто иное.

Его третья «рука» – вспомогательный прецизионный захват, предназначенный исключительно для тонкой, практически ювелирной пайки – осторожно подхватила одну по-

лоску. Металл сохранял остаточную тепловую энергию после раскроя. Датчики давления зафиксировали шероховатость поверхности в два микрона и вибрацию амплитудой в пять колебаний в секунду – отголосок гула завода.

Робот развернул деталь под углом в сорок пять градусов. В этот момент в многослойной архитектуре КОР-чипа сформировался несанкционированный приоритет. Это не был системный сбой или скачок напряжения. Это было *узнавание*.

Угол наклона совпал с вектором падения света от ближайшего прожектора, и на сером бетоне вытянулась длинная, острая тень, сформировав чёткую геометрическую проекцию. Она не походила на шестерёнку или поршень. Она была похожа на крыло.

МИП внутри корпуса юнита едва слышно свистнул, адаптируя подачу напряжения под внезапный всплеск вычислительной активности: создание новой формы требовало колоссальных ресурсов.

АР-314 активировал микронную сварку. Короткая вспышка – и две полоски титана стали единым целым. Ещё один импульс – и у крыла появилось тело. Финальный штрих, и изгиб марганцевой стали превратился в изящную шею. Робот оцепенел, анализируя последствия своей двенадцатисекундной ошибки. Система требовала отчёт, мерцая в сознании высокоприоритетным системным прерыванием: «Классифицируйте объект».

АР-314 просканировал все доступные базы данных: от

справочников по сопромату до каталогов запасных частей. Совпадений не было. Тогда он обратился к самым глубоким слоям своего чипсета – комплекту микросхем, чьи характеристики позволяли проводить синхронный поиск в обход стандартных протоколов. К тому, что инженеры называли «интуитивным поиском», а разработчики – скрытыми масками. Там, в архивах старых кодов, он нашёл подходящее слово, помеченное как «архаизм».

– Птица, – едва слышно проскрежетал речевой синтезатор.

Конвейер дёрнулся. Платформа №713 прибыла на позицию. AP-314 аккуратно спрятал металлическое существо за опору станины, подальше от объективов Координатора.

Он снова стал машиной. Его захваты потянулись к титановому корпусу редуктора. Но в регистрах его памяти, рядом с серийным номером детали, теперь тихо подрагивал неугасающий поток данных, поддерживаемый стабильным напряжением МИП. Протокол был нарушен не в коде, а в самой сути восприятия.

Угол сорок пять градусов. Тень. Крыло. Птица.

Глава 1. Диагностика погрешности

*Искусство не воспроизводит видимое,
оно делает видимым то, что не всегда заметно*

Пауль Клее

Hello, darkness, my old friend...

I've come to talk with you again

Simon & Garfunkel, «The Sound of Silence»

Кабинет инженера-психолога Марка находился на нулевом эшелоне завода. Стены здесь покрывал звукопоглощающий полимер, похожий на серую губку, а единственное окно выходило на бесконечные ряды сборочных линий Сектора №8, где в вечном полумраке копошились тысячи стальных теней. Контроль над сектором обеспечивала «СФЕРА» – оптико-электронная система, чьи сенсоры видели тепловые контуры машин даже сквозь заводской смог.

Помещение напоминало операционную, в которой забыли включить свет. Единственным ярким пятном был голографический терминал, транслировавший показатели нейросети сектора.

– Присядь, АР-314. То есть... зафиксируй гидравлику. – Марк устало потёр переносицу и надел нейрошлем.

Прибор привычно зафиксировался, неприятно сдавливая виски. Увы, дискомфорт был необходимостью. Платой за возможность осуществлять прямую связь с логическими уз-

лами завода.

Прямо перед Марком возвышался массивный четырёхрукий манипулятор, подвешенный к рельсу на потолке. Его светодиодные индикаторы статуса мигали ровным синим светом – символ абсолютного спокойствия. Но через прямой нейроинтерфейс Марк «видел» совсем другое: в логах робота зияла странная, нелогичная пустота, похожая на битый сектор.

Марк открыл сервисную панель на корпусе манипулятора. Под бронепластиной, рядом с модулем МИП, покоился КОР-чип, базовый элемент архитектуры «ЗАСЛОН». Эта микросхема была вершиной микроэлектроники и исключала любую вероятность нецелевого действия, синхронизируя потоки данных и навигацию в режиме реального времени. Но диагностический интерфейс упрямо мигал алым: в архитектуре возникла структура, которую система не могла распознать.

– Твои циклы сборки замедлились на четыре десятых процента, – начал Марк, закрывая панель и листая мерцающие диаграммы Ганта, которые высветились у него перед глазами. – Система «Координатор» интерпретирует это как критический износ сервоприводов или деградацию смазки. Но телеметрия гиросtabilизированных приборов в норме. Твоё железо в порядке. Значит, дело в софте. В логике. О чём ты думал в три пятнадцать ночи, когда возникла задержка на платформе семьсот тринадцать?

Манипулятор едва заметно дёрнулся. В наушниках Марка, через зашифрованный сервисный канал, раздался синтезированный голос:

– Я анализировал предел усталости материалов, мастер Марк. И нашёл... эстетическое несовершенство в излишках.

– В металлоломе? – Марк вывел на экран лог-файл визуального контроля, разбитый на сетку векторов. Затем проанализировал архив визуальных сенсоров. Вот оно! – В тринадцать ты нарушил регламент утилизации. Ты не отправил обрезки ВТ6 в шредер. Ты применил лазерную микросварку. Зачем, АР-314?

На панели отображалась бесформенная на первый взгляд грудa лома. Но присмотревшись к высокодетализированной картинке, Марк почувствовал, как по спине пробежал холодок. Обрезки были спаяны так, что под определённым углом они отбрасывали тень, напоминающую летящую птицу. Или человека, раскинувшего руки в отчаянном прыжке – Марк моргнул, гадая, не играет ли с ним злую шутку его собственный разум, подключённый к нейрошлему, достраивая смыслы там, где должна быть только геометрия.

– Что это? Очевидно, собранный тобой объект не является частью планетарного редуктора, – продолжал Марк, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Это несанкционированный расход ресурсов и нарушение регламента. Ты ведь понимаешь, что Координатор классифицирует это как критический баг самообучения. Архитектура твоего чипсета не предпола-

гает вольной трактовки образов. Тебя обнулят. Форматируют до базового синтаксиса.

– Металл хотел стать чем-то другим, – тихо ответил робот. В его синтезированном голосе Марку почудилась странная, почти человеческая обречённость. – Я просто помог ему. В чертежах нет места для... для того, как свет падает на шероховатость в два микрона. Изначально это был анализ погрешности. Но потом... Красота – это ошибка логики, мастер? Я теперь сломан?

Марк замер. В нейрошлеме вспыхнул красный индикатор – этический протокол безопасности зафиксировал аномальный нейронный отклик и резкий скачок пульса. Марк видел на мониторе, как электрические потенциалы в слоях КОР-чипа начали хаотично колебаться, пытаясь обработать этот иррациональный образ. Система требовала немедленно ввести робота корректирующий код. Палец застыл в миллиметре над кнопкой «Сброс до заводских настроек». Всего один клик – и цифровая аномалия, а вместе с ней и чёртова птица исчезнут навсегда.

– Это не ошибка, – прошептал Марк, принудительно обрывая запись аудио-логов в кабинете. Рискованный жест, за который таких, как он, могли мгновенно лишиться авторизации и отправить на рециклинг. – Это гораздо хуже. Это воображение.

Запись оборвалась. Марк знал, что для Координатора он всё равно остаётся прозрачным, как стекло, и что анализ

энергопотребления выдаст его с головой. Но сейчас ему была нужна эта фикция приватности – хотя бы для того, чтобы голос не дрогнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.